

Шэнь Чан Ань долго, не отрываясь, вглядывался в родные черты, в знакомую улыбку, в глаза, которые, казалось, смотрели прямо на него сквозь годы и расстояния, а потом, с бесконечной осторожностью, словно прикасаясь к хрупкому стеклу, убрал фотографию обратно, на её место.

В шкатулке нашлись ещё какие-то пожелтевшие грамоты, выцветшие от времени благодарственные письма, вырезки из газет, но не это сейчас занимало все мысли Шэнь Чан Аня. Руки его мелко, едва заметно дрожали, когда он взял тот самый, главный конверт – плотный, чуть тронутый желтизной, с размашистым, хорошо знакомым почерком отца. Он взял конвертный нож и, затаив дыхание, миллиметр за миллиметром, бережно, чтобы не повредить содержимое, надрезал край.

В то самое мгновение, когда лезвие ножа вскрыло конверт, он торопливо, жадно вытащил сложенный в несколько раз плотный лист бумаги, но, уже готовый развернуть его, прочитать заветные строки, вдруг замер. Движения молодого человека стали медленными, почти невесомыми, словно он боялся не столько порвать бумагу, сколько спугнуть, разрушить саму возможность прикоснуться к отцовскому голосу, прозвучавшему сквозь толщу лет.

Шэнь Чан Ань не знал, не мог даже предположить, что там, внутри, написано. В голове у него всё смешалось, мысли метались хаотичным, беспокойным роем, обгоняя друг друга. То ему вдруг отчаянно, до боли в сердце, представлялось, как хорошо, как правильно было бы, если б отец, написав это письмо той далёкой ночью, всё-таки вернулся домой живым и невредимым. То вдруг мысль перескакивала на мать – как же ей было бы важно, как нужно, как жизненно необходимо было прочесть эти строки при жизни, услышать те слова, которых она так ждала и так и не дождалась.

Он сделал глубокий, судорожный вдох, словно перед прыжком в ледяную воду, и всё-таки развернул письмо.

[Дорогие мои Лань Лань и Сяо Ю!

Шлю вам этот конверт с самыми лучшими, самыми тёплыми пожеланиями и крепко-крепко обнимаю вас обоих мысленно!

Завтра мне предстоит участвовать в одном совершенно секретном задании, о котором я, к сожалению, не имею права рассказывать подробно ни сейчас, ни потом. До его начала, а возможно, и какое-то время после, у меня не будет никакой возможности ни переписываться с семьёй, ни тем более увидеться с вами. Ночи здесь, в этом забытом богом месте, стоят душные, влажные и невыносимо жаркие – спать совершенно невозможно, хоть глаз выколи. Вот я и решил скоротать время за письмом к вам.

В день моего отъезда, Лань Лань, ты всё ещё кашляла, помню, как ты куталась в платок и старалась не кашлять при мне, чтобы не расстраивать. Умоляю тебя, родная, не запускай болезнь, принимай все лекарства вовремя, не пропускай ни одного приёма. Я знаю тебя, ты вечно думаешь сначала о других, о больных своих, а себя, любимую, оставляешь напоследок. Так нельзя, слышишь? Береги себя, пожалуйста.

...

В прошлый раз, когда мы говорили с тобой по телефону, Сяо Ю, ты, помнится, просил меня купить тебе самую настоящую военную фуражку, как у тех солдат, что стоят на посту у Вечного огня. Жаль, я уезжал тогда так поспешно, что не успел забежать в военторг и выполнить твою просьбу. Но ты не думай, что отец забыл или прослушал. Как только вернусь со спецзадания - обязательно куплю, и не просто фуражку, а ещё и игрушечную машинку, такую, с радиоуправлением, о которой ты мечтал. Так что не смей думать, будто твой старик - жадина и ничего для тебя не делает.

А теперь слушай меня внимательно, сынок. Пока меня нет дома, ты здесь остаёшься за главного мужчину, за хозяина. Смотри у меня, береги маму, слушайся её во всём, помогай, чем сможешь. А когда подрастёшь ещё немного - обязательно научись хорошо, вкусно готовить. Запомни мои слова, сынок: мужчина, который не умеет готовить и довольствуется одними пельменями из пачки, вряд ли легко найдёт себе хорошую, заботливую жену. Так что учись, пригодится.

...

Лань Лань. До рассвета осталось, наверное, часа два, не больше. Я смотрел на часы. В моей душе накопилось столько слов, которые хочется тебе сказать, столько всего, о чём хочется спросить, поделиться, посоветоваться... Но я знаю, родная, я всем сердцем чувствую - ты и так меня понимаешь. Всегда понимала, с полуслова, с полувзгляда.

Сяо Ю, сыночек мой, кровиночка, наш маленький, но уже такой серьёзный мужчина. Этой долгой, бессонной ночью я вдруг с особой остротой пожалел, что перед отъездом, там, на вокзале, не обнял тебя покрепче, не прижал к себе, не поцеловал в макушку. И, главное, не сказал тебе вслух, прямо, глядя в глаза, самых простых, но самых важных слов: "Я тебя люблю, сынок". Мой отец, да и я сам, всегда считал, что настоящий мужчина должен держать свои чувства глубоко внутри, не выставлять их напоказ, не размениваться на нежности и сантименты, не говорить о любви поминутно, как какие-нибудь герои слащавых сериалов. Но сегодня, здесь, в этой душной, тёмной казарме, в эти предрассветные часы, я вдруг, как громом, был поражён простой и ясной мыслью: как же глубоко, как чудовищно я ошибался всё это время!

Если ты кого-то любишь, если этот человек тебе дороже жизни, если ты готов за него горы свернуть - об этом нужно говорить! Нужно, обязательно нужно! Не молчать, не прятать чувства в надёжный сейф, а говорить, делиться, не скупиться на тёплые слова, на похвалу, на ласку. Это ведь тоже - любовь. Самая что ни на есть настоящая, живая, человеческая любовь.

На самом деле, после всех этих долгих размышлений, я хотел сказать только одно, самое главное, ради чего и затеял это ночное писание. Лань Лань, Сяо Ю, послушайте меня... Я вас люблю. Больше жизни. Больше всего на свете.

Слышите? Я вас люблю.

Давайте договоримся: когда я вернусь домой с этого задания, мы обязательно, в первый же выходной, пойдём все вместе в фотоателье и сделаем настоящую семейную фотографию – большую, красивую, в рамку, чтобы на стену повесить.

И договоримся так: каждый год, когда Сяо Ю будет становиться на год старше, в день его рождения, мы будем приходить и фотографироваться снова. Чтобы оставалась память, чтобы видеть, как он растёт, как меняется. А когда у него, не сейчас, конечно, а много лет спустя, появится своя семья, своя жена, мы с тобой, Лань Лань, достанем из альбома все эти фотографии, разложим их перед невесткой и с гордостью покажем, каким наш сын был в детстве – смешным, курносым, серьёзным, с фуражкой набекрень.

Лань Лань, а ты как думаешь? Хороший план? Тебе нравится такая идея?

Ты же знаешь, я всегда был косноязычен, не умел красиво говорить, да и пишу, как курица лапой. Мысли скачут, предложения корявые, одно к одному не лепится. Слышу, как за тонкими стенами казармы кричат какие-то ночные птицы, похоже на клёкот орлов. Наверное, скоро и вправду рассвет.

А когда наступит рассвет, когда первые лучи солнца коснутся верхушек этих жёлтых барханов, начнётся новый день. Новый день моей жизни, нашей с вами жизни.

Крепко, очень крепко люблю вас и обнимаю.

Ваш Да Чэн.

Утро, 18 июня 2001 года.]

<http://bllate.org/book/16518/1504310>